

Observatoire ARGA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

**D-28. Казахстан: экономические уголовные составы
и практика применения содержания под стражей**

Страновой мониторинг. Срез 2026 года

Автор:

Сергей Храбрых - президент ARGА, PhD

Организация: Observatoire ARGА

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

24 сентября 2026 года

Содержание

1. Основные выводы	3
2. Предмет и временные границы мониторинга	4
3. Доказательная база и пределы наблюдения	5
4. Конституционная основа после 1 июля 2026 года	5
5. Архитектура судебного контроля	6
6. Карта экономических составов	7
7. Мошенничество и неисполнение договора	8
8. Гражданское решение и уголовное обвинение: дело Зарирова	9
9. Незаконное предпринимательство и актуальность квалификации	10
10. Налоговые обвинения и фиктивные счета-фактуры	10
11. Исключения: финансовые схемы и корпоративный контроль	11
12. Специальный запрет содержания под стражей	12
13. Обоснованность подозрения и процессуальные риски	13
14. Соккрытие и организованная группа	14
15. Первоначальное судебное рассмотрение	14
16. Залог и иные альтернативы	16
17. Домашний арест: решение по обращению Молдагалиева	16
18. Длительность: досудебная и судебная стадии	17
19. Просроченное продление: обстоятельства обращения Калиева	18
20. Повторное содержание после предельного срока: обращение Пархоменко	19
21. Розыск, отсутствие лица и трансграничный контекст	20
22. Опубликованные показатели за 2025-2026 годы	21
23. Что статистические изменения объясняют и чего не объясняют	22
24. Обжалование и повторная оценка необходимости	23
25. Арест имущества и последствия для компании	24
26. Право на защиту и восстановление нарушенных прав	25
27. Международные гарантии и запрет лишения свободы за долг	26
28. Конкурирующие объяснения и пределы критической оценки	27
29. Итоговая оценка	28
30. Источники	29

1. Основные выводы

Правовой режим содержания под стражей по экономическим уголовным делам в Казахстане нельзя описать ни как общий запрет ареста предпринимателей, ни как неограниченную возможность изоляции при крупном имущественном ущербе. Закон устанавливает несколько последовательных условий: наличие признаков конкретного преступления, обоснованность подозрения в отношении определенного лица, допустимость содержания под стражей по данной квалификации и необходимость именно этой меры для предотвращения установленных процессуальных рисков. Нарушение любого из этих условий имеет самостоятельное значение. Предпринимательский статус не заменяет проверку состава преступления, а предусмотренная законом возможность ареста не освобождает от оценки альтернатив. [2-4]

Центральная особенность регулирования - часть третья статьи 136 УПК. Она ограничивает содержание под стражей по преступлениям в сфере экономической деятельности, но содержит как перечень исключенных составов, так и отсылку к случаям сокрытия и организованной преступности. При этом мошенничество и присвоение или растрата расположены в другой главе Уголовного кодекса. Поэтому одинаковый хозяйственный контекст может сопровождаться различным режимом ограничения свободы в зависимости от доказанной, а не только заявленной квалификации. Это делает контроль квалификации существенной частью защиты личной свободы. [2-4]

Проверенная судебная практика обнаруживает три значимых узла: границы влияния гражданского решения на уголовное дело; допустимые ограничения при домашнем аресте; запрет содержания под стражей без действующего судебного основания и за установленными пределами. Решения Конституционного Суда позволяют установить содержание правовых гарантий и конкретные обстоятельства, ставшие поводом для конституционного контроля. Они не образуют репрезентативную выборку всех экономических дел и не дают основания исчислять распространенность нарушений. [7-9]

Официальные сообщения за 2025 год и первое полугодие 2026 года указывают на изменение агрегированных показателей применения мер пресечения. Однако они не раскрывают отдельную совокупность предпринимателей, распределение по статьям обвинения или фактическую продолжительность изоляции. Поэтому основной вывод мониторинга двухчастный: нормативные ограничения и судебные механизмы коррекции документально установлены; степень их равномерного исполнения по экономическим уголовным делам остается ограничено наблюдаемой. Новая Конституция, действующая с 1 июля 2026 года, меняет актуальную конституционную основу анализа, но сама по себе не доказывает уже наступившее изменение повседневной практики. [1; 10-11]

2. Предмет и временные границы мониторинга

Доклад рассматривает взаимодействие уголовно-правовой квалификации и мер пресечения в Казахстане по состоянию на 24 сентября 2026 года. Его предмет - не все формы государственного воздействия на бизнес, а конкретная связь между экономическим обвинением, рисками для уголовного процесса и ограничением личной свободы до окончательного разрешения дела. Налоговые доначисления, гражданское взыскание, административная ответственность и корпоративные споры включаются в анализ лишь постольку, поскольку они влияют на наличие уголовного состава, доказательственную основу подозрения или выбор меры пресечения.

Термин «экономическое дело» употребляется в двух различаемых значениях. В узком юридическом смысле речь идет о преступлениях главы 8 УК. В более широком исследовательском смысле - об уголовном преследовании, возникающем из хозяйственных операций, распоряжения имуществом, договорных отношений или управления компанией. Второе значение может охватывать статьи 189 и 190 УК, но не переносит на них автоматически специальные ограничения статьи 136 УПК. Когда правовой результат зависит от этого различия, в тексте указывается соответствующая группа составов. [2-3]

Содержание под стражей также не отождествляется с первоначальным задержанием, домашним арестом или лишением свободы как наказанием. Для этих состояний различаются основание, процедура, сроки и юридическая цель. Отдельно рассматриваются досудебное расследование и судебное разбирательство: предельный срок на одной стадии нельзя без проверки распространять на другую. Такая дифференциация особенно важна при чтении постановления Конституционного Суда от 10 июня 2026 года, касающегося судебной стадии. [3; 9]

Материалы 2023-2025 годов используются не как замена среза 2026 года, а как источники действующего толкования и документированных событий. Их конституционные ссылки относятся к редакции Основного закона, применявшейся на момент принятия решения. Данные за полугодие не представляются годовыми итогами; отсутствие данных за оставшуюся часть 2026 года не заполняется прогнозом. Изменения, для которых в консолидированном законодательстве указан будущий срок введения, не рассматриваются как уже действующие правила. [1; 3]

3. Доказательная база и пределы наблюдения

В основе доклада находятся пять групп первичных материалов. Первая - Конституция и кодексы, определяющие правовую конструкцию. Вторая - нормативные постановления Верховного Суда, раскрывающие обязательное судебное толкование. Третья - полные тексты решений Конституционного Суда, содержащие как правовые позиции, так и сведения об обстоятельствах обращений. Четвертая - официальные сообщения о судебной статистике. Пятая - Международный пакт о гражданских и политических правах как международно-правовой источник. Юридическая сила и исследовательская функция этих групп различаются. [1-12]

Нормативное постановление Верховного Суда подтверждает, каким должно быть применение закона; оно не подтверждает, как часто суды следуют этому правилу. Конституционное решение позволяет достоверно описать установленные в нем обстоятельства конкретного производства, но не весь объем материалов основного уголовного дела. Официальное статистическое сообщение подтверждает опубликованный показатель в указанном охвате, однако без исходной формы, знаменателя и правил учета не позволяет самостоятельно восстановить все составляющие ряда.

Отсюда следует ограничение метода: настоящий мониторинг не является исследованием случайной или сплошной выборки постановлений следственных судей. В нем не рассчитываются частота ареста по статье 245 УК, медианная длительность содержания предпринимателей под стражей или доля удовлетворенных жалоб на соответствующие решения. Для таких оценок требуется иной массив: индивидуализированные, очищенные от повторного учета данные о лицах, ходатайствах, продлениях, квалификации и исходах. Публикация нескольких значимых дел не устраняет эту потребность.

Аналитические выводы формулируются через юридические механизмы, а не через недоказанную массовость. Например, зависимость специальной защиты от квалификации создает чувствительность к тому, насколько содержательно проверяются признаки мошенничества или преступной группы. Это вывод о конструкции закона, а не утверждение о систематическом искусственном завышении обвинений. Аналогично конституционное исправление правил о сроках показывает существование выявленной проблемы и способ ее разрешения, но не устанавливает количество пострадавших за пределами рассмотренных материалов.

4. Конституционная основа после 1 июля 2026 года

Срез 2026 года требует учитывать принятую на референдуме 15 марта 2026 года Конституцию. Согласно статье 94 она вступила в силу 1 июля 2026 года; прежняя Конституция с этого момента прекратила действие. Поэтому ссылка на прежнюю статью 16 как на действующую конституционную норму о личной свободе была бы неточной. Актуальные гарантии свободы и личной неприкосновенности закреплены в статье 18 новой Конституции. [1]

Эта статья связывает содержание под стражей с судебным решением и правом обжалования, предусматривает ограничение законом времени задержания без судебного решения, а также гарантирует разъяснение причин задержания и прав. Право на помощь адвоката соотнесено с фактическим задержанием, признанием подозреваемым или предъявлением обвинения. Статья 19 закрепляет презумпцию невиновности до вступления обвинительного приговора в законную силу и защиту от принуждения к свидетельствованию против себя и определенного круга близких. Статья 20 охраняет достоинство и запрещает пытки и жестокое обращение. [1]

Конституционная смена не обнуляет кодексы и ранее сформированную судебную практику. Статья 96 сохраняет применение действующих законов в части, не противоречащей новой Конституции; аналогичный критерий предусмотрен для ранее принятых нормативных постановлений Конституционного Суда и Конституционного Совета. Поэтому решения 2023 года и июня 2026 года рассматриваются в системе преемственности, но с учетом новых конституционных положений. Историческая нумерация статей в их тексте не переносится механически в описание актуального права. [1]

Для экономических дел значение этой рамки состоит прежде всего в отдельной защите свободы, имущества и права на судебную защиту. Возможный имущественный ущерб не отменяет личных гарантий обвиняемого; одновременно гарантии предпринимателя не устраняют интерес потерпевшего в расследовании действительного преступления. Из прямого действия Конституции не следует освобождение от установления фактов и применения процессуальной формы. Проверяемым результатом конституционной реформы будут конкретные мотивировки, пересмотр решений и исполнение гарантий, а не одно наличие новой редакции Основного закона.

5. Архитектура судебного контроля

На досудебной стадии вопрос о санкционировании содержания под стражей разрешает следственный судья. Орган расследования формирует ходатайство и материалы в его обоснование; прокурор осуществляет предусмотренную законом проверку и поддерживает либо не поддерживает обращение. При обжаловании компетенция определяется статьей 107 УПК, а на судебной стадии вопрос о мере пресечения входит в полномочия суда, рассматривающего уголовное дело. Таким образом, инициирование ограничения свободы, его судебное санкционирование и последующий пересмотр являются разными процессуальными действиями. [3-4]

Наличие нескольких участников не означает автоматической независимой перепроверки каждого факта на всех уровнях. Содержательный контроль возникает тогда, когда суд сопоставляет изложенные в ходатайстве обстоятельства с представленными материалами и возражениями защиты. Для этого недостаточно воспроизвести квалификацию и перечень рисков из закона. Вопрос состоит в том, какие сведения связывают конкретного человека с предполагаемым преступлением и почему оставление на свободе при иных ограничениях создает неприемлемый для процесса риск.

В экономическом деле эта проверка может затрагивать договор, платежи, полномочия должностных лиц, бухгалтерские документы, реальность поставки и последовательность корпоративных решений. Но следственный судья не превращается в суд, заранее разрешающий спор о виновности. Нормативное постановление № 1 от 24 января 2020 года одновременно требует проверки обоснованности подозрения и запрещает предрешение итоговых вопросов уголовного дела. Между поверхностным согласием со следствием и преждевременным приговором существует самостоятельная область судебной оценки достаточности основания для ограничения свободы. [4, пункты 9-10]

Прокурорское согласование не компенсирует отсутствие этой оценки, а отказ в санкционировании ареста не равнозначен прекращению расследования. Дело может продолжаться при иной мере пресечения либо без содержания под стражей. Такое разделение позволяет анализировать судебный контроль без ложного выбора между защитой прав обвиняемого и возможностью расследовать экономический вред. Законность уголовного преследования и законность конкретного ограничения свободы связаны, но не тождественны.

6. Карта экономических составов

Глава 8 УК объединяет неоднородные деяния: незаконное предпринимательство, отдельные нарушения финансовой деятельности, фиктивные счета-фактуры, финансовые пирамиды, легализацию преступных доходов, налоговые преступления и другие составы. Ее название не устраняет различий между объектом охраны, формой вины, требуемым ущербом и квалифицирующими признаками. Для применения мер пресечения существенно также то, включена ли конкретная статья в перечень исключений части третьей статьи 136 УПК. [2-3]

Состав / статья УК	Ключевое различие	Режим статьи 136(3) УПК
Присвоение или растрата - 189	Хищение вверенного имущества; глава 6.	Специальный запрет по главе 8 не применяется.
Мошенничество - 190	Обман или злоупотребление доверием; глава 6.	Специальный запрет по главе 8 не применяется.
Незаконное предпринимательство - 214	Нарушение установленного порядка при дополнительных признаках состава.	Запрет с исключениями по пунктам 4 и 5 части 1 статьи 147.
Фиктивные счета-фактуры - 216	Документ без реальной операции при указанных в законе цели и ущербе.	Запрет с исключениями по пунктам 4 и 5 части 1 статьи 147.
Уклонение организации от налогов - 245	Налоговая обязанность, способ уклонения и уголовно значимые признаки.	Запрет с исключениями по пунктам 4 и 5 части 1 статьи 147.
Финансовая пирамида - 217; легализация - 218; сокрытие активов - 218-1	Самостоятельные составы, различающиеся предметом и действиями.	Прямо исключены из специального запрета.
Статьи 231, 234, 248, 249	В том числе экономическая контрабанда, принуждение к сделке и рейдерство.	Прямо исключены из специального запрета.

Таблица отражает правовую классификацию, а не частоту применения статей. Внутри одной статьи различные части могут предусматривать разную тяжесть деяния и санкцию, поэтому номер статьи сам по себе не завершает проверку статьи 147 УПК. Для решения о содержании под стражей имеют значение конкретная часть, фактическое обоснование квалифицирующего признака и применимые специальные ограничения. Указание состава в перечне исключений снимает специальный запрет, но не устанавливает безусловную обязанность арестовать лицо.

Отдельную группу составляют имущественные преступления главы 6, прежде всего присвоение или растрата и мошенничество. Они часто могут возникать в предпринимательском контексте, однако юридически не становятся от этого преступлениями главы 8. Напротив, специальная норма о рейдерстве относится к главе 8, но прямо включена в исключения из запрета содержания под стражей. Эти пересечения объясняют, почему общее выражение «арест по экономическому делу» недостаточно для правового вывода.

7. Мошенничество и неисполнение договора

Пункт 10 нормативного постановления Верховного Суда от 29 июня 2017 года № 6 связывает отграничение мошенничества от гражданско-правовых отношений со временем возникновения умысла на хищение. Такой умысел должен существовать до заключения договора или в момент его заключения; обман должен причинно предшествовать получению имущества либо права на него. Последующее неисполнение обязательства не заменяет доказательств этой первоначальной направленности поведения. [6]

Данное различие особенно существенно для хозяйственных отношений, в которых исполнение зависит от финансирования, действий поставщиков, спроса и других обстоятельств. Убыточность операции и просрочка способны объяснять нарушение договора, не подтверждая намерения похитить имущество при его заключении. Вместе с тем договорная форма не дает иммунитета действительному обману: фиктивный предмет поставки, заведомо ложные сведения или заранее созданная схема получения денег могут иметь уголовно-правовое значение при доказанности остальных элементов состава.

Нельзя заменить анализ умысла набором внешних признаков деловой неудачи. Отсутствие достаточных активов в день проверки не обязательно характеризует состояние дел на дату договора; прекращение связи с контрагентом после конфликта не равнозначно первоначальному плану хищения. Обратное также верно: отдельный платеж или частичное исполнение не опровергают обман автоматически. Их значение определяется в совокупности с хронологией, перепиской, реальностью хозяйственной деятельности и движением средств. Это аналитическое следствие требования установить субъективную сторону, а не самостоятельная презумпция в пользу одной из сторон.

На стадии меры пресечения соответствующие обстоятельства оцениваются в пределах обоснованного подозрения, а не окончательной доказанности виновности. Тем не менее ссылка защиты на гражданскую природу отношений требует содержательного ответа, если

она подрывает фактическую основу подозрения. Простое переименование неисполненного обязательства в мошенничество не решает эту задачу. Для личной свободы такая проверка имеет дополнительное значение: статья 190 УК не охватывается специальным запретом статьи 136(3), применимым к основной группе составов главы 8. [2-4]

8. Гражданское решение и уголовное обвинение: дело Зарирова

Нормативное постановление Конституционного Суда от 14 июля 2023 года № 23-НП принято по обращению Зарирова Е. З. Суд проверял часть вторую статьи 127 УПК о преюдициальном значении решения по гражданскому делу. Согласно изложенным в постановлении обстоятельствам, 23 декабря 2020 года был удовлетворен гражданский иск о взыскании основного долга в размере 8 600 000 тенге, убытков в размере 700 000 тенге и судебных расходов; заявитель исполнил решение полностью. Впоследствии приговором от 6 мая 2021 года он был осужден по пункту 1 части третьей статьи 190 УК. [7]

Заявитель связывал существование гражданского решения с невозможностью иной оценки отношений в уголовном процессе. Конституционный Суд не признал такое понимание обязательным. Он подтвердил конституционность нормы, по которой гражданское решение обязательно в отношении события или действия, но не предрекает виновность или невиновность подсудимого. Вопрос об уголовной вине разрешается в уголовном судопроизводстве с исследованием соответствующих признаков состава, включая умысел. [7]

Значение этого решения двустороннее. Наличие взысканного и выплаченного долга не образует безусловного препятствия для расследования первоначального обмана. Однако из гражданского решения нельзя вывести и противоположную презумпцию: признание долга или недействительности сделки не означает признания уголовной вины. Преюдиция экономит повторное установление определенных обстоятельств, но не заменяет доказательств, которые относятся именно к уголовной ответственности. Конституционный Суд прямо соотнес этот вопрос с разграничением мошенничества и гражданско-правовых отношений.

Постановление не является новым рассмотрением уголовного дела Зарирова по существу. На его основании нельзя утверждать, что Конституционный Суд самостоятельно подтвердил каждый факт обвинения или пересмотрел оценку доказательств нижестоящих судов. Для мониторинга оно показывает конкретную правовую коллизию и способ ее разрешения. В контексте содержания под стражей вывод ограничен: гражданское решение должно учитываться в надлежащем объеме, но ни его наличие, ни исполнение денежного обязательства не подменяют отдельной проверки подозрения и процессуального риска.

9. Незаконное предпринимательство и актуальность квалификации

Статья 214 УК связывает уголовную ответственность не с любым нарушением деловой формальности. Диспозиция включает деятельность без необходимой регистрации или лицензии, нарушения разрешительного и уведомительного порядка либо запрещенную предпринимательскую деятельность при предусмотренных законом последствиях или масштабах. Значимыми выступают, в частности, крупный ущерб, доход в крупном размере либо соответствующие операции с подакцизными товарами в значительном размере. Конкретный вариант состава требует установления собственных признаков. [2]

В пункте 3 нормативного постановления Верховного Суда № 3 от 24 января 2020 года, измененном 18 декабря 2025 года, отдельно указано на случаи, когда регистрация индивидуального предпринимателя не обязательна. Если закон допускает ведение соответствующей деятельности без такой регистрации, отсутствие регистрации не образует рассматриваемый признак уголовного состава. Аналогично перечень деятельности, требующей разрешения или уведомления, не может расширяться исходя из общей оценки ее коммерческого характера. [5]

Для временного среза принципиально, что статья 215 УК о лжепредпринимательстве исключена в 2017 году. Ее наличие в историческом тексте или в старом аналитическом материале не делает ее действующим основанием обвинения. Это не означает декриминализации любых фиктивных операций: оценка может производиться по другим действующим нормам при наличии их признаков. Но такая оценка должна быть самостоятельной, а не скрытым продолжением применения отмененной статьи под общим названием экономической преступности. [2]

Для ограничения свободы ошибки квалификации имеют каскадное значение. Если не установлена обязанность регистрации или иной необходимый элемент статьи 214, ослабевает сама основа подозрения. Если состав подтверждается, сохраняется отдельная проверка специального ограничения статьи 136(3) УПК. Даже наличие крупного дохода не превращается автоматически в риск сокрытия: объем предполагаемой незаконной деятельности и прогноз поведения человека решают разные юридические вопросы. Обоснование ареста должно показывать связь между ними, если такая связь заявляется, а не подразумевать ее из размера денежной суммы.

10. Налоговые обвинения и фиктивные счета-фактуры

Статья 216 УК касается действий по выписке счета-фактуры без фактического выполнения работ, оказания услуг или отгрузки товаров при установленных законом дополнительных признаках. Статья 245 регулирует уклонение организации от уплаты налогов и других обязательных платежей. Эти нормы могут взаимодействовать, однако нарушение у контрагента не устанавливает автоматически виновность другого участника хозяйственной цепочки. Требуется определить конкретные действия, осведомленность, цель и, когда это вменяется, соучастие. [2; 5]

Верховный Суд в пункте 28 нормативного постановления № 3 указывает на прямой умысел при уклонении от налогов. Пункт 29 требует исследовать наличие или отсутствие соучастия лица, уклоняющегося от уплаты, и лица, предоставившего фиктивные счета-фактуры. Тем самым налоговая задолженность, недостоверный документ и уголовная ответственность конкретного человека не сливаются в один факт. Доначисление может иметь доказательственное значение, но не освобождает от уголовно-процессуальной проверки остальных элементов обвинения. [5]

Особенно важен пункт 30 в редакции декабря 2025 года: обвинительный акт должен содержать нарушенные нормы налогового законодательства в редакции, действовавшей на момент деяния, сроки представления декларации и уплаты, а также проверяемый период. Отсутствие необходимых сведений рассматривается как существенная процессуальная проблема, препятствующая назначению главного судебного разбирательства и требующая разрешения вопроса о возвращении дела прокурору. Это правило связано с определенностью обвинения, а не с формальным воспроизведением номера налоговой статьи. [5]

Временная детализация имеет материальное значение: срок подачи декларации может не совпадать со сроком уплаты, а действующая сегодня налоговая редакция - с применимой к проверяемому периоду. Для меры пресечения не требуется заранее завершить всю налоговую экспертизу, но подозрение не может опираться только на неопределенную сумму «ущерба бюджету». Наконец, статьи 216 и 245 сами по себе не входят в перечень составов, исключенных из специального запрета статьи 136(3). Возможность содержания под стражей по таким делам требует установления предусмотренного законом исключения, а не только размера предполагаемого недоимочного обязательства. [3-5]

11. Исключения: финансовые схемы и корпоративный контроль

Специальное ограничение содержания под стражей не распространяется на перечисленные в статье 136(3) УПК составы: статьи 217, 218, 218-1, 231, 234, 248 и 249 УК. Перечень закрытый; его нельзя заменить общей категорией «опасные экономические преступления». Он включает, в частности, финансовую пирамиду, легализацию преступных доходов, сокрытие незаконно приобретенных активов, отдельные посягательства в денежной и таможенной сфере, принуждение к сделке и рейдерство. Для каждого из них действуют собственные признаки состава. [2-3]

Правовое последствие исключения ограничено: прекращает действовать специальный запрет, установленный для основной группы экономических составов. Общие основания меры пресечения, проверка подозрения, правила о санкции и необходимость рассмотреть менее строгую меру сохраняются. Иначе законодательное исключение превратилось бы в автоматическое содержание под стражей всех обвиняемых по соответствующей статье, чего само по себе включение в перечень не устанавливает. [3-4]

Особенно показателен состав рейдерства. Статья 249 УК описывает незаконное приобретение прав или контроля определенными противоправными способами; отдельная

часть охватывает принуждение к отчуждению через организацию или инициирование проверок и ограничительных мер. Следовательно, уголовное право способно выступать не только инструментом вмешательства в корпоративный конфликт, но и средством защиты от незаконного захвата бизнеса. При этом каждое обращение к данной статье требует установления указанных в законе действий и последствий, а не одной конфликтности отношений акционеров. [2]

В делах о финансовых схемах аналогично различаются происхождение имущества, осведомленность участника и содержание операций. Сложная структура владения, трансграничный перевод или использование нескольких компаний не являются самостоятельным доказательством легализации. Их уголовно-правовое значение зависит от установленных признаков соответствующей статьи. Вместе с тем внешне законная форма сделки не исключает преступной цели. Для судебного контроля это означает необходимость анализировать конкретную связь подозреваемого с операциями, не подменяя ее ни репутационной оценкой бизнеса, ни утверждением о безусловной правомерности всего, что оформлено договором.

12. Специальный запрет содержания под стражей

Часть третья статьи 136 УПК построена как правило о неприменении содержания под стражей с прямо обозначенными исключениями. Помимо названных составов, она отсылает к пунктам 4 и 5 части первой статьи 147: лицо скрылось или пыталось скрыться либо подозревается в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества. Нормативное постановление Верховного Суда № 1 относит соответствующую защиту к преступлениям главы 8 УК. [3-4]

Эта конструкция отличается от общего правила о рассмотрении альтернатив. При наличии специального запрета суд не выбирает между одинаково допустимыми вариантами, исходя лишь из собственного представления о тяжести дела. Сначала должен быть разрешен вопрос о законной возможности самой меры. Лишь после установления применимого исключения возникает пространство для оценки общих оснований содержания под стражей. Большой ущерб, общественный резонанс или сложность экспертизы не названы самостоятельными способами преодоления запрета.

Одновременное обвинение по экономическому составу и по статье вне соответствующей главы требует отдельного анализа. Верховный Суд допускает применение содержания под стражей при наличии другого преступления и установленных законом условий. Однако аналитически из этого не следует, что любое добавление номера статьи делает ограничение свободы обоснованным. Фактическая основа дополнительного обвинения подлежит той же проверке разумности подозрения, а необходимость изоляции - самостоятельному обоснованию. [4, пункты 6-10]

Таким образом, специальная гарантия защищает не социальную группу «предприниматели», а определенную юридическую категорию обвинений при отсутствии установленных

исключений. Ее сила состоит в ограничении судебного усмотрения, а уязвимость - в зависимости от надлежащей квалификации фактов. Обнаружение этой зависимости не доказывает злоупотребления в конкретном производстве. Оно показывает, почему для оценки законности меры недостаточно прочесть только резолютивную часть постановления: существенны мотивировка квалификации, факты исключения и связь этих фактов с требуемой степенью ограничения свободы.

13. Обоснованность подозрения и процессуальные риски

Статья 136 УПК связывает меры пресечения с достаточными основаниями полагать, что лицо скроется, воспрепятствует расследованию или разбирательству, продолжит преступную деятельность, а также с обеспечением исполнения приговора. Статья 138 предусматривает учет индивидуальных обстоятельств: возраста, состояния здоровья, семьи, социальных связей, репутации, работы, имущественного положения и места жительства. Эти обстоятельства не являются декоративным дополнением к тяжести обвинения; они участвуют в определении необходимости и интенсивности ограничения. [3]

Обоснованное подозрение отвечает на вопрос о фактической связи лица с предполагаемым преступлением. Процессуальный риск отвечает на другой вопрос - о вероятном поведении в дальнейшем. Первая связь не доказывает вторую автоматически. Наличие банковских документов, указывающих на подозрительную операцию, может поддерживать подозрение, но само по себе не объясняет, почему человек намерен уничтожить уже изъятые документы или скрыться. И наоборот, сведения о намерении выехать не восполняют отсутствие фактической основы самого обвинения.

Пункты 9-10 постановления Верховного Суда № 1 требуют оценки материалов, на которых основано подозрение, включая доводы защиты, без разрешения вопроса о виновности. Проверка охватывает событие, признаки преступления и возможную причастность конкретного лица. Ее значение не исчерпывается первым обращением: соответствующий контроль предусмотрен и при продлении, с особенностью, указанной Верховным Судом для периода ознакомления с материалами дела. Поэтому исходная квалификация не становится навсегда установленным фактом только потому, что первоначальное ходатайство было удовлетворено. [4]

Необходимо учитывать и исключение статьи 136(2): для прямо перечисленных там деяний закон допускает содержание под стражей по мотивам тяжести или квалификации. Его нельзя игнорировать в общем изложении казахстанского права, но нельзя и распространять на все экономические дела. В рассматриваемой сфере тяжесть возможного наказания обычно выступает одним из факторов, а не универсальной заменой конкретного риска. Аналитически сильная мотивировка объясняет, какие именно обстоятельства остаются опасными для процесса и почему доступные ограничения недостаточны для их нейтрализации. [3-4]

14. Соккрытие и организованная группа

Исключение, связанное с соккрытием или попыткой скрыться, требует фактической основы. Для экономического дела проживание за рубежом, наличие иностранных активов или деловые поездки способны иметь значение в оценке ситуации, но эти обстоятельства не тождественны уклонению. Важны последовательность событий, осведомленность о вызове, действительность уведомления и действия после него. Нормативное постановление № 1 требует подтверждения оснований заочного рассмотрения и соответствующих обстоятельств розыска. [3-4]

Организованная группа также не возникает из обычной корпоративной иерархии. Пункт 33-1 нормативного постановления Верховного Суда № 3, введенный в декабре 2025 года, специально указывает: участие руководителя юридического лица или подразделения и подчиненных ему работников при отсутствии иных признаков преступной группы недостаточно для такого вывода. Признаки группы должны быть изложены в обвинительном акте и исследованы судом. Это особенно значимо там, где штатное распределение обязанностей ошибочно могло бы восприниматься как готовое доказательство преступной организации. [5]

С точки зрения меры пресечения вопрос возникает раньше рассмотрения обвинения по существу. Если именно наличие организованной группы используется для преодоления специального запрета, соответствующее подозрение должно иметь конкретную фактическую опору уже при судебном контроле. Должностная инструкция бухгалтера или подчиненность менеджера директору показывают трудовые отношения; для вывода о преступной организации требуется установить дополнительные признаки. В то же время реальная компания не исключает использования ее структуры для преступной деятельности, если это подтверждается материалами.

Эти два исключения объединяет повышенная значимость мотивировки. Они способны изменить применимый режим свободы без окончательного приговора, поэтому не могут основываться на словесной формуле. При этом отсутствие полной доказанности вины на досудебной стадии не делает их применение невозможным в принципе: стандартом остается обоснованное подозрение и подтвержденная необходимость меры. Баланс нарушается как при автоматическом принятии ярлыка «организованная группа», так и при требовании окончательного приговора до любого процессуального решения.

15. Первоначальное судебное рассмотрение

По общему правилу статьи 147 УПК содержание под стражей допускается по преступлениям, за которые предусмотрено лишение свободы на срок свыше пяти лет. Для составов с менее строгой санкцией закон предусматривает исключительные условия. Отсутствие постоянного места жительства в Казахстане не может быть единственным основанием. Применение этой нормы необходимо согласовывать со специальным режимом экономических составов, а не рассматривать статью 147 отдельно от статьи 136. [3]

Предшествующее задержание регулируется отдельно. По статье 131 УПК общий срок составляет не более сорока восьми часов, для несовершеннолетнего - не более двадцати четырех часов; в перечисленных законом исключительных случаях допускается срок до семидесяти двух часов. Среди исключений указаны подозрение в особо тяжком преступлении, преступлении в составе преступной группы и определенные объективные препятствия своевременной доставке к судье. Следовательно, распространенное представление о единых семидесяти двух часах как обычном сроке любого задержания не передает действующее регулирование. [3]

При фактическом задержании разъясняются основания ограничения свободы, право пригласить защитника и хранить молчание. В протоколе фиксируются, в частности, время фактического задержания и доставления с точностью до часа и минуты, разъяснение прав и сведения о здоровье; предусмотрено медицинское освидетельствование. Для экономического производства такие гарантии не менее значимы, чем последующий анализ бухгалтерских доказательств. Начальный период может определять доступ к адвокату и условия получения первых объяснений, поэтому его правовой учет не должен начинаться лишь с даты судебного постановления. [3, статья 131]

Статья 148 предусматривает рассмотрение ходатайства следственным судьей не позднее восьми часов с момента поступления материалов в суд, с участием прокурора, подозреваемого или обвиняемого и защитника, за установленными законом исключениями заочного рассмотрения. Судья знакомит защитника с поступившими материалами. Этот восьмичасовой срок относится к судебной процедуре, а не заменяет правила первоначального задержания и исчисления его продолжительности. Смещение этих сроков ведет к неправильной оценке законности всего периода ограничения свободы. [3]

По итогам рассмотрения возможны санкционирование содержания под стражей, предусмотренный законом краткий срок до десяти суток либо отказ с возможностью избрать иную меру. Краткий срок не является разрешением содержать человека под стражей без обоснованного подозрения или без применимого правового основания. В постановлении должны быть указаны причины выбора наиболее строгой меры и невозможность применения менее строгих вариантов. Само намерение следствия дополнить доказательственную базу не заменяет этих требований. [3, статья 148]

Практическая содержательность слушания зависит от возможности защиты отвечать на конкретные материалы. В сложном экономическом деле формальное ознакомление с большим объемом документов непосредственно перед заседанием и реальная возможность оспорить их значение - не одно и то же. Однако в доступной базе отсутствует измерение времени, предоставляемого защитникам в таких производствах. Поэтому доклад фиксирует нормативную гарантию и ее функциональный смысл, не утверждая недоказанную распространенность ее нарушения. Проверяемый вопрос в отдельном деле - какие существенные возражения были представлены, исследованы и отражены в мотивировке.

16. Залог и иные альтернативы

УПК предусматривает несколько мер пресечения, различающихся степенью ограничения: от подписки о невыезде и надлежащем поведении до домашнего ареста и содержания под стражей. Часть 1-1 статьи 136 требует рассматривать менее строгую меру, если такая возможность имеется. Статья 145 регулирует залог, который может быть внесен самим подозреваемым или другим лицом; наряду с деньгами закон допускает определенное имущество и ценности. Размер определяется с учетом предусмотренных законом обстоятельств и границ. [3]

В статье 148 предусмотрена обязанность определить залог при санкционировании содержания под стражей с существенными исключениями, включая правила об особо тяжких преступлениях и случаи, перечисленные в части девятой. Поэтому формула «любое экономическое обвинение позволяет выйти под залог» неверна. Неверно и противоположное предположение, будто удовлетворение ходатайства о содержании под стражей всегда исключает последующее внесение установленного судом залога. Применимость этого механизма зависит от конкретного постановления и правовых условий. [3]

Имущественное положение не сводится к обороту компании или предполагаемому размеру ущерба. Оборот не равен свободным средствам обвиняемого; активы общества не обязательно принадлежат ему лично; заблокированное имущество может быть недоступным для обеспечения. Это аналитически важно для оценки соразмерности залога, но не означает, что экономические затруднения автоматически обязывают суд выбрать любую предложенную сумму. Имеет значение, обеспечивает ли мера процессуальную цель при индивидуальных обстоятельствах лица.

Альтернативы также не взаимозаменяемы. Запрет определенных контактов может непосредственно отвечать риску влияния на конкретных свидетелей; ограничение передвижения - риску уклонения; залог - обеспечению исполнения возложенных обязанностей. Но ни одна мера не является достаточной по названию. Судебная оценка состоит в сопоставлении фактического риска с содержанием ограничений. Наличие более мягкой меры в кодексе подтверждает юридическую возможность ее рассмотрения, а не заранее гарантирует результат в каждом деле.

17. Домашний арест: решение по обращению Молдагалиева

Домашний арест является строгой мерой, связанной с изоляцией лица вне учреждения содержания под стражей и с установленными судом ограничениями. Его нельзя приравнивать к полному восстановлению свободы. В нормативном постановлении от 11 апреля 2023 года № 9 Конституционный Суд рассмотрел обращение Молдагалиева К. Д. относительно запретов покидать жилище, пользоваться средствами связи и принимать посетителей, предусмотренных частью второй статьи 146 УПК. [8]

Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции в определенном истолковании. Применяемые отдельно или совокупно ограничения должны сохранять

гарантированные права арестованного и защитника, включая жизнь, охрану здоровья, судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь. Ограничения не могут создавать угрозу жизни и здоровью либо фактически устранять возможность пользоваться необходимыми процессуальными правами. Тем самым конституционный контроль касался не только допустимого перечня запретов, но и их совокупного воздействия. [8]

Для экономического дела это различие имеет дополнительное значение. Возможность общения с защитником, передачи документов и участия в подготовке позиции не равнозначна праву бесконтрольно руководить компанией или контактировать со всеми ее работниками. Если отдельные работники являются свидетелями, допустимость контактов требует самостоятельной оценки. Но запрет связи не может толковаться так, чтобы обвиняемый вообще лишался юридической помощи. Судебная мера должна иметь определенные пределы и сохранять содержание неотъемлемых прав.

Решение по обращению Молдагалиева не дает статистики нарушений домашнего ареста и не устанавливает результат всех последующих производств заявителя. Оно подтверждает наличие конституционной границы при индивидуализации ограничений. Поэтому увеличение числа домашних арестов само по себе недостаточно для вывода об уменьшении всей совокупности вмешательства в права: существенны длительность, режим связи, доступ к медицинской помощи и реальная возможность защиты. При этом замена содержания в учреждении домашним арестом остается юридически значимым изменением, которое не следует обесценивать лишь потому, что новая мера также ограничительна.

18. Длительность: досудебная и судебная стадии

Статья 151 УПК устанавливает общий двухмесячный срок содержания под стражей при досудебном расследовании и специальный порядок его продления. Закон различает уровни согласования и условия увеличения срока до трех и девяти месяцев, а для более длительных периодов - дополнительные требования, связанные с категорией преступления и сложностью дела. Продление до двенадцати и восемнадцати месяцев относится к предусмотренным законом исключительным ситуациям; оно не является обычным календарем любого экономического расследования. Отдельные положения регулируют содержание в период ознакомления с материалами. [3]

На судебной стадии применяется статья 342. Базовый период исчисляется со дня поступления дела в суд до вынесения приговора и составляет шесть месяцев. По делам о тяжких преступлениях предусмотрен предел двенадцать месяцев. Для особо тяжких преступлений часть 3-1 содержит иной режим, включая восемнадцатимесячный период и возможность исключительных мотивированных продлений на установленные законом короткие интервалы. Поэтому двенадцатимесячный предел, исследованный Конституционным Судом в июне 2026 года, нельзя объявлять универсальным пределом по всем уголовным делам. [3; 9]

Законный предельный срок и необходимость дальнейшей изоляции отвечают на разные вопросы. Наличие неиспользованного календарного периода не освобождает суд от оценки текущих оснований меры. Напротив, достаточные процессуальные риски не позволяют переступить применимый безусловный предел. Сложность финансовой экспертизы может объяснить длительность расследования, но сама по себе не доказывает необходимость содержания конкретного человека под стражей на всем его протяжении.

Для наблюдения практики существенна непрерывная хронология: фактическое задержание, первоначальная санкция, каждое продление, передача дела в суд, изменение меры, выделение или соединение производства. Если фиксировать лишь дату последнего постановления, можно не заметить промежутки без действующего судебного основания или повторный отсчет уже исчерпанного срока. Именно такие вопросы стали предметом конституционной проверки. Но из их юридической значимости не следует, что в настоящем докладе установлена средняя продолжительность содержания по экономическим составам: необходимые индивидуальные данные отсутствуют.

19. Просроченное продление: обстоятельства обращения Калиева

Постановление Конституционного Суда от 10 июня 2026 года № 85-НП объединяет обращения Калиева А. А. и Пархоменко А. Г. Оба связаны с судебной стадией содержания под стражей по обвинению в тяжких преступлениях. Опубликованный акт не дает основания относить их обвинения к экономическим составам; они используются здесь как документированные примеры действия общих процессуальных гарантий, значимых также для экономических дел. [9]

В обстоятельствах обращения Калиева шестимесячный срок истек 29 апреля 2025 года, тогда как решение о продлении было принято 6 мая 2025 года. Возник вопрос о допустимости сохранения изоляции между окончанием прежнего срока и вынесением нового постановления. Конституционный Суд признал не соответствующей Конституции формулировку части третьей статьи 342, допускавшую прочтение продления как действия после истечения первоначального периода. Продление должно быть разрешено до окончания действующего срока, а не легализовать уже состоявшееся содержание задним числом. [9]

Значение этой позиции не ограничивается подсчетом нескольких календарных дней. Судебный контроль должен создавать действующее основание лишения свободы, а не последующую запись о том, что оно могло быть оправдано. Организационная задержка рассмотрения вопроса не превращает лишение свободы без надлежащей санкции в правомерное. В постановлении эта логика увязана с прежними конституционными позициями и обязанностью реагировать на истечение срока, а не ожидать неопределенного будущего решения.

Для мониторинга важна точность вывода: Конституционный Суд устранил нормативную возможность просроченного продления, но опубликованный акт не удостоверяет все последствия по основному уголовному делу Калиева. Из него нельзя выводить факт

оправдания, размер компенсации или прекращение обвинения. Документированным результатом является конституционная оценка нормы и обязательная правовая позиция о непрерывности законного судебного основания. Ее последующее исполнение в других делах представляет отдельный эмпирический вопрос, для которого нужны более поздние судебные материалы.

20. Повторное содержание после предельного срока: обращение Пархоменко

Вторая часть постановления № 85-НП касается риска повторного помещения под стражу после исчерпания предельного срока. Согласно изложенной Конституционным Судом хронологии, дело Пархоменко поступило в суд 4 июня 2024 года. 3 июня 2025 года мера была изменена на домашний арест. При этом заявителя предупредили о возможности возвращения под стражу при нарушении ограничений, и соответствующий подход получил подтверждение при пересмотре. [9]

Конституционный Суд признал рассматривавшиеся положения статей 136, 140, 153 и 342 совместимыми с Конституцией только в истолковании, исключающем обход двенадцатимесячного предела по делу о тяжком преступлении. Нарушение домашнего ареста или иной меры не образует основания вновь содержать человека под стражей за пределами максимально допустимого срока по тому же делу. Правовая позиция охватывает также ситуации соединения или выделения производства, при которых формальное изменение процессуальной структуры не должно возобновлять исчерпанный срок. [9]

Это не означает отсутствия любых правовых последствий нарушения меры пресечения. Суд разграничивает допустимую реакцию на ненадлежащее поведение и конкретный способ реагирования, который противоречил бы пределу содержания под стражей. Иначе максимальный срок зависел бы от возможности многократно возвращать человека в учреждение после кратких периодов иной меры, а установленная законом гарантия утрачивала бы определенность.

Правительству было предписано инициировать законодательное приведение норм в соответствие с постановлением в установленный шестимесячный срок. Однако вступление самого конституционного решения в силу не было отложено до завершения законодательной работы: постановление действует со дня принятия. Следовательно, необходимо различать немедленное значение правовой позиции и последующие изменения текста закона. На дату среза нельзя представлять поручение о подготовке изменений как доказательство того, что конкретный новый закон уже принят и вступил в силу. [9]

В совокупности оба обращения демонстрируют два разных способа утраты законного основания: временной промежуток без своевременного продления и повторное применение меры после исчерпания предела. Содержательное судебное обоснование риска не устраняет ни одного из этих дефектов. Именно поэтому анализ сроков должен сохранять самостоятельность по отношению к оценке тяжести обвинения и поведения подсудимого.

21. Розыск, отсутствие лица и трансграничный контекст

Статья 148 УПК допускает рассмотрение вопроса о содержании под стражей без участия подозреваемого или обвиняемого в установленных случаях: при объявлении в розыск либо нахождении за пределами Казахстана и уклонении от явки, с соблюдением требований уведомления. Нормативное постановление Верховного Суда № 1 раскрывает необходимость подтверждающих материалов и участия защитника. Само отсутствие человека в зале суда не создает достаточного основания для заочного санкционирования меры. [3-4]

В трансграничном экономическом деле особенно существенно различать место проживания и процессуальное поведение. Человек мог находиться за рубежом до возникновения производства, поддерживать известные контакты и не получать надлежащих вызовов. Возможна и противоположная ситуация: выезд после уведомления, сокрытие адреса и иные действия, указывающие на уклонение. Без хронологии эти варианты внешне выглядят сходно, но имеют различное значение для исключения из специального запрета и для обоснования риска сокрытия.

После задержания лица, в отношении которого мера избрана заочно, закон предусматривает доставку к следственному судье для рассмотрения ее обоснованности. Верховный Суд разъясняет порядок такого контроля, включая возможность обращения по месту задержания при затруднительности доставки по месту производства. Следовательно, прежнее заочное постановление не устраняет значение последующей личной возможности оспаривания меры. Конкретные сроки исчисляются по соответствующей процедуре, а не выводятся из одного общего правила о первоначальном судебном слушании. [3-4]

Национальный розыск, международный розыск, экстрадиционный арест в иностранном государстве и содержание под стражей после передачи являются разными правовыми состояниями. Из казахстанского постановления не следует автоматическая обязанность иностранного суда выдать человека или признать обвинение доказанным. Для настоящего мониторинга трансграничный аспект важен в более узком смысле: сведения о проживании за рубежом не должны терять контекст, а законность национальной меры оценивается по ее собственным основаниям, процедуре и срокам.

Эта дифференциация препятствует и обратной ошибке. Отказ иностранного государства в выдаче по конкретному правовому основанию сам по себе не равнозначен прекращению национального обвинения. Юридический результат внешнего производства определяется содержанием соответствующего решения. Доклад не содержит выборки экстрадиционных дел Казахстана и потому не делает выводов о частоте признания таких запросов обоснованными или необоснованными.

22. Опубликованные показатели за 2025-2026 годы

Официальная статистическая база настоящего среза представлена двумя сообщениями: опубликованной 29 января 2026 года информацией на сайте Президента об итогах работы судов за 2025 год и сообщением Верховного Суда об итогах первого полугодия 2026 года. Это агрегированные публикации, а не выгрузки индивидуальных судебных производств. Указанные в них изменения приведены ниже в той единице и сравнении, которые позволяют установить сами источники. [10-11]

Показатель и источник	Опубликованные значения	Единица и предел вывода
Отказы в санкционировании содержания под стражей; итоги 2025 [10]	25,7% → 37,5%	Доля в сравнении, приведенном в сообщении; исходные численности не раскрыты.
Домашний арест; итоги 2025 [10]	2 786 → 5 019	Опубликованные числа применения меры; не число доказанных замен содержания в учреждении.
Электронные браслеты; итоги 2025 [10]	954 → 2 283	Лица в сообщении; возможное пересечение с домашним арестом.
Удовлетворение ходатайств о содержании под стражей; первое полугодие 2026 [11]	63,4% → 60,1%	Опубликованное полугодовое сравнение; отдельной экономической категории нет.
Поступившие уголовные дела; первое полугодие 2026 [11]	17,5 тыс. → 17,2 тыс.	Округленные числа дел; не число лиц или ходатайств о мере пресечения.
Осужденные; первое полугодие 2026 [11]	15,7 тыс. → 15,2 тыс.	Округленные числа лиц; не численность содержащихся под стражей.

Число применений домашнего ареста и число лиц с электронными браслетами нельзя складывать: категории могут пересекаться. Эти значения также не являются установленным числом людей, ранее освобожденных из следственных изоляторов. Альтернативная мера может избираться первоначально, а электронный контроль характеризует способ исполнения, а не обязательно отдельный вид решения. Само движение показателей не дает сведений о последовательности мер в отношении одного человека.

Доля отказов по итогам года и доля удовлетворения ходатайств в сообщении за полугодие представлены как разные публикационные ряды. Они не соединяются здесь в непрерывную шкалу без подтвержденной сопоставимости периодов, состава ходатайств и правил учета. Различие между делами, лицами и процессуальными обращениями сохраняется: одно уголовное дело может охватывать несколько обвиняемых, а один обвиняемый - несколько решений о мере пресечения.

Для предмета доклада наиболее существенна отсутствующая детализация: публикации не выделяют главу 8 УК, статьи 189 и 190 в предпринимательском контексте, основания исключений и распределение сроков. Поэтому приведенные данные дают общесистемный фон. Они не позволяют утверждать, что вероятность содержания под стражей

предпринимателя равна общему проценту удовлетворения ходатайств или что определенное число экономических обвиняемых было освобождено вследствие конкретной реформы.

23. Что статистические изменения объясняют и чего не объясняют

Изменение доли удовлетворенных ходатайств совместимо с несколькими механизмами. Суд может требовательнее оценивать материалы; прокурор может иначе отбирать ходатайства для направления; может меняться состав расследуемых преступлений, тяжесть обвинений или доля лиц, находящихся в розыске. Одинаковое итоговое процентное изменение возможно при разных сочетаниях этих факторов. Без данных о поступивших и отклоненных на предыдущих стадиях обращения причинный вклад судебного контроля установить нельзя.

Доля удовлетворения - показатель решений в определенной совокупности ходатайств. Она не измеряет автоматически долю всех подозреваемых, содержащихся под стражей. Часть подозреваемых вообще не попадает в эту совокупность, поскольку ходатайство о соответствующей мере не подавалось. Кроме того, повторные обращения и продления могут менять число процессуальных событий без пропорционального изменения числа лиц. Эти различия определяют знаменатель, а значит - смысл процента.

Есть и временное измерение. Уменьшение числа первоначальных санкций может сосуществовать с более длительным содержанием тех, кого все же заключили под стражу. Увеличение домашних арестов может означать замену изоляции в учреждении, но также более частое применение строгой альтернативы там, где ранее достаточно было подписки. Без индивидуальных переходов между мерами и данных о продолжительности ни один из вариантов не подтверждается. Это не опровержение опубликованных показателей, а предел объяснения, который из них следует.

Отдельная проблема - неоднородность экономических обвинений. Объединение налогового дела, предполагаемой финансовой пирамиды и мошенничества в один исследовательский массив скрывает различия правового режима. Сопоставление судебных практик по регионам без учета такой структуры может ошибочно приписать суду эффект состава поступивших дел. Для доказательного вывода нужны сопоставимые группы и одинаковые правила выделения единиц наблюдения.

Поэтому в настоящем срезе отсутствует общий числовой «индекс защиты бизнеса» или ранжирование регионов. Доступные источники подтверждают отдельные показатели и значимые правовые изменения. Они не обосновывают единую оценку вероятности произвольного ареста или успешного обжалования для конкретного предпринимателя. Отказ от такого расчета сохраняет аналитическую ценность реальных данных, поскольку не наделяет их точностью, которой они не имеют.

24. Обжалование и повторная оценка необходимости

Статья 107 УПК предусматривает обжалование постановлений следственного судьи о санкционировании содержания под стражей, домашнего ареста и залога, об их продлении, отмене либо отказе в соответствующих действиях. Право обращения принадлежит указанным в законе участникам, включая подозреваемого и защитника, а также лицу, чьи права непосредственно затрагиваются актом. Процедура предусматривает короткий трехсуточный срок с момента оглашения и возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока по установленным правилам. [3]

Для решений о личной свободе оперативность имеет самостоятельную ценность. Успешное оспаривание после завершения длительного периода не воспроизводит эффект своевременного освобождения. Вместе с тем подача жалобы не означает автоматического приостановления исполнения соответствующего постановления. Закон различает существование средства защиты и немедленный правовой эффект обращения к нему. Решение областного или приравненного суда по процедуре статьи 107 характеризуется кодексом как окончательное. [3]

Эту специальную процедуру нельзя смешивать с пересмотром итогового приговора или с конституционным контролем нормативного положения. Обращение в Конституционный Суд решает вопрос о норме в пределах его компетенции, а не выступает обычной очередной инстанцией по каждому факту содержания под стражей. Постановления № 9, № 23-НП и № 85-НП показывают значение такого контроля, но не заменяют механизма оперативного рассмотрения индивидуальной жалобы на меру. [7-9]

Продление создает дополнительный повод для проверки актуальности оснований. Пункт 15 нормативного постановления Верховного Суда № 1 требует выяснять, не отпали и не изменились ли обстоятельства, обусловившие первоначальное содержание под стражей. Доказательства могут быть закреплены, свидетели допрошены, доступ к определенным документам прекращен, а состояние здоровья изменено. Каждое такое обстоятельство оценивается по его фактическому значению; сам перечень выполненных следственных действий не доказывает исчезновения всех рисков. [4]

Отдельное разъяснение Верховного Суда касается повторяющихся ходатайств, ссылающихся на одни и те же невыполненные следственные действия. Судья обязан выяснять причины, по которым эти действия не были произведены. Тем самым перечень планируемых экспертиз и допросов не может бесконечно воспроизводиться как самодостаточное основание продления. Вопрос включает и необходимость действия, и объяснение задержки, и сохраняющуюся связь с невозможностью применить другую меру. [4, пункт 15]

В сложном экономическом деле эта логика особенно существенна при ожидании документов, расчетов или экспертного заключения. Само ожидание результата может быть объективно необходимо для завершения расследования, но физическая изоляция обвиняемого не всегда влияет на скорость его получения. Это не означает, что такая изоляция в период ожидания всегда незаконна: возможны иные подтвержденные риски. Однако мотивировка должна

показывать именно сохраняющееся основание меры, а не только незавершенность производства. Различие позволяет оценить судебное решение без предположения, что любая задержка расследования является злоупотреблением.

Качественный анализ обжалования поэтому учитывает не только исход «оставлено без изменения» или «отменено». Существенно, рассмотрен ли главный довод о недопустимости меры по квалификации, проверено ли действительное исключение, исправлена ли ошибка срока, оценена ли конкретная альтернатива. Агрегированный процент отмен без содержания жалоб и мотивировок не отвечает на эти вопросы. В доступных источниках нет достаточного массива для количественного вывода об эффективности обжалования именно по экономическим составам.

25. Арест имущества и последствия для компании

Арест имущества и содержание человека под стражей различаются по объекту и процессуальной цели. Статья 161 УПК регулирует имущественное обеспечение, в том числе в связи с гражданским иском, имущественными взысканиями и возможной конфискацией. Меры в отношении имущества не являются по своему названию доказательством законности лишения свободы, а избрание меры пресечения не устанавливает автоматически принадлежность всех корпоративных активов обвиняемому или их преступное происхождение. [3]

В экономическом производстве эти вмешательства способны действовать одновременно. Ограничение свободы руководителя затрудняет принятие управленческих решений; арест активов ограничивает распоряжение определенным имуществом; изъятие документов влияет на доступность информации. Эти последствия логически могут усиливать друг друга, но их реальный масштаб устанавливается по конкретным обстоятельствам компании. В настоящем срезе нет данных, позволяющих оценить количество утраченных предприятий, рабочих мест или стоимость потерь вследствие мер пресечения.

Такое разграничение особенно важно при оценке причин имущественного ущерба. Финансовое ухудшение может предшествовать уголовному делу, быть предметом расследования либо возникнуть после него. Нельзя автоматически отнести весь последующий убыток к аресту руководителя; нельзя и исключить влияние процессуальных ограничений только потому, что компания испытывала трудности ранее. Причинный анализ требует временного разделения и учета иных факторов, включая состояние рынка и действия контрагентов.

Статья 161 различает и пределы имущественного вмешательства: стоимость имущества, арестованного для обеспечения гражданского иска, не может превышать цену иска. Эта норма относится к соответствующей обеспечительной цели и не должна механически переноситься на иной предмет, например возможную конфискацию. Для совместного анализа мер важно, что денежная оценка ущерба и интенсивность ограничения личной

свободы не образуют единую шкалу. Даже правомерно обеспеченный иск не создает дополнительного процессуального основания для изоляции должника. [3]

Интересы третьих лиц также не исчезают из-за уголовного преследования руководителя. Актив может принадлежать компании, залогодержателю или иному собственнику; правовой режим зависит от конкретного основания вмешательства и установленных связей с производством. Здесь существенна адресность решения: личное обвинение, корпоративная принадлежность имущества и материальная ответственность определенного лица - самостоятельные вопросы. Доклад не предполагает, что наличие отдельной правосубъектности компании исключает все обеспечительные действия, но не выводит допустимость таких действий из одной должности обвиняемого.

Право потерпевшего на защиту имущественных интересов не превращает содержание под стражей в способ получения платежа. Цель меры пресечения определяется процессуальными основаниями, а не переговорной выгодой кредитора. С другой стороны, необходимость сохранения активов и доказательств может быть законной целью соответствующих обеспечительных и следственных действий. Проверка должна относиться к конкретному инструменту: какая норма допускает его применение, какое имущество затронуто и чем подтверждается требуемая связь.

Поэтому освобождение из-под стражи не означает автоматической отмены имущественных ограничений, а отмена ареста отдельного актива не прекращает уголовного преследования. В корпоративном конфликте эти результаты часто воспринимаются как единая победа или поражение стороны, но юридически они разрешают разные вопросы. Раздельное описание позволяет избежать ошибочного вывода, будто изменение одной меры само по себе удостоверяет правомерность или неправомерность всего производства.

26. Право на защиту и восстановление нарушенных прав

Экономическое обвинение обычно требует работы с документами, последовательностью операций и распределением полномочий. Для осуществления защиты недостаточно абстрактного права иметь адвоката: необходима возможность конфиденциально обсуждать позицию, понимать содержание подозрения и представлять относимые возражения. Конституционные гарантии помощи адвоката и положения УПК о защитнике образуют правовую основу этой деятельности. Их применение к конкретному слушанию о свободе связано также с доступом к представленным суду материалам. [1; 3]

Изоляция может создавать информационную асимметрию, когда обвиняемый знает хозяйственный контекст, но ограничен в возможности получить документы или объяснить их связь. Эта трудность не устраняется одной ссылкой на объем доказательств у следствия. Вместе с тем право на защиту не дает неограниченного доступа к любым материалам на любой стадии и не отменяет законные ограничения контактов. Юридический вопрос заключается в том, сохраняется ли реальная возможность оспорить существенные основания ограничения свободы в предусмотренной процедуре.

Конституционное решение о домашнем аресте показывает, что оценивается и совокупность запретов: каждый по отдельности может выглядеть связанным с целью меры, но вместе они способны препятствовать самой защите или необходимой медицинской помощи. Для содержания в учреждении вопрос о достоинстве и здоровье сохраняет самостоятельное значение. Незаконность обращения не зависит от того, насколько серьезно обвинение, и не может оправдываться потенциальной виновностью лица. [1; 8; 12]

Статья 15(6) новой Конституции закрепляет право на возмещение государством вреда от незаконных действий государственных органов или должностных лиц. Статья 9(5) Пакта предусматривает обеспеченное правовой защитой право на компенсацию незаконного ареста или содержания под стражей. Но между признанием нормативной проблемы, отменой отдельного постановления и присуждением конкретной суммы находятся самостоятельные юридические вопросы: основание ответственности, установленный период нарушения, причинная связь и объем вреда. [1; 12]

Материалы этого мониторинга не подтверждают присуждение компенсации заявителям рассмотренных конституционных дел. Поэтому право на возмещение представлено как гарантия, а не как уже реализованный результат. Аналогично успешное изменение меры не доказывает необоснованность всей уголовной претензии. Сохранение этих различий позволяет одновременно оценивать эффективность срочной защиты свободы и последующее восстановление нарушенных прав, не подменяя одно другим.

27. Международные гарантии и запрет лишения свободы за долг

Казахстан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах законом от 28 ноября 2005 года № 91. Для рассматриваемой темы ключевы статьи 9 и 14: запрет произвольного лишения свободы, судебная проверка, разумный срок, презумпция невиновности и процессуальные возможности защиты. Статья 9 прямо исходит из того, что содержание под стражей ожидающих разбирательства не должно быть общим правилом, допускает гарантии явки и предусматривает возможность судебного освобождения при незаконном задержании. [12]

Самостоятельное значение имеет статья 11, запрещающая лишать человека свободы лишь на основании неспособности исполнить договорное обязательство. Она не устраняет уголовную ответственность за доказанное мошенничество, но препятствует подмене уголовным принуждением обычного взыскания долга. В сочетании с казахстанским правилом о времени возникновения мошеннического умысла возникает ясное разграничение: невозможность заплатить и первоначальный обман не являются одним юридическим фактом. [6; 12]

Международная и национальная проверки соотносятся, но не сливаются. Соблюдение формально предусмотренного срока не отвечает полностью на вопрос о произвольности, если отсутствует необходимая фактическая основа ограничения. И наоборот, ссылка на международный стандарт должна быть связана с конкретной процедурой, обстоятельствами и нарушенным правом, а не заменять их общим утверждением о несправедливости дела. Для

оценки имеют значение индивидуальные основания, доступность контроля и реальная возможность пользоваться защитой.

Пакт также различает право на справедливое рассмотрение обвинения и право на оперативную проверку лишения свободы. Даже если сложное экономическое дело требует продолжительного исследования доказательств, необходимость дальнейшей изоляции остается отдельным вопросом. В национальной системе это различие отражено в правилах об альтернативных мерах, проверке актуальности оснований и максимальных сроках. Совпадение нормативных принципов не доказывает их полного исполнения в каждом производстве, но дает содержательную основу для сопоставления.

Доклад не переносит на Казахстан прямую юрисдикцию Европейского суда по правам человека и не представляет иностранные судебные стандарты как замену применимому национальному праву. Международный анализ опирается здесь на ратифицированный Пакт. Его нормы используются для оценки целей и пределов вмешательства, а не для вынесения заочного заключения о виновности, политической мотивации или произвольности каждого экономического преследования в стране.

28. Конкурирующие объяснения и пределы критической оценки

Первая возможная интерпретация рассмотренной системы - усиление гарантий: существуют специальные ограничения ареста по экономическим составам, обязанность рассмотреть альтернативы, конституционная коррекция сроков и опубликованные изменения агрегированных показателей. Она имеет документальную основу в части наличия соответствующих правил и решений. Но вывод об одинаковой эффективности гарантий во всех регионах и по всем составам выходил бы за пределы источников. Нормативное укрепление и его повседневное исполнение должны оцениваться отдельно. [1; 3-5; 8-11]

Вторая интерпретация делает акцент на рисках: исключения зависят от квалификации, экономическое обвинение может быть связано с корпоративным конфликтом, а длительная изоляция способна влиять на положение компании. Эти механизмы юридически и логически значимы. Однако их наличие не подтверждает, что каждое обвинение по статье 190 или каждое указание на организованную группу используется искусственно. Утверждение о злоупотреблении требует индивидуальных доказательств несоответствия квалификации фактам либо иных конкретных нарушений.

Третье объяснение касается статистики. Сдвиги могут отражать изменения поведения судов, но также прокурорского отбора, структуры преступности и состава поступивших дел. Выделить влияние одного института без дополнительных данных невозможно. При этом методологическая осторожность не означает игнорирования официальных показателей: они остаются значимой характеристикой опубликованных результатов, если их единицы, периоды и ограничения сохранены.

Четвертый вопрос - причинность конституционных обращений. Наличие решения, исправляющего дефект, подтверждает, что проблема дошла до механизма контроля и

получила правовое разрешение. Оно одновременно свидетельствует о выявленном нарушении или неопределенности и о способности системы выработать коррекцию. Ни утверждение о полной неэффективности всех гарантий, ни утверждение об устранении проблемы во всех последующих делах не следует из самого факта принятия постановления.

Наконец, экономическое преследование не становится политически мотивированным лишь из-за значимости бизнеса или участия публичных органов. Для такой оценки потребовались бы отдельные факты, относящиеся к целям, избирательности, контексту и процедуре. Настоящий мониторинг не содержит доказательной базы для общей квалификации казахстанских экономических дел в этом смысле. Его критическая задача уже и проверяемое: показать, где закон ограничивает принуждение, какие вопросы получили судебное разрешение и какие утверждения о практике остаются недоказанными.

29. Итоговая оценка

По состоянию на 24 сентября 2026 года казахстанское регулирование содержит выраженные ограничения применения содержания под стражей в основной группе преступлений в сфере экономической деятельности. Эти ограничения работают через юридическую квалификацию и конкретные исключения, а не через общий иммунитет предпринимателя. Для мошенничества, присвоения и ряда прямо исключенных экономических составов применяется иной объем специальной защиты, но сохраняются общие требования обоснованности подозрения, законного основания и индивидуальной оценки меры. [2-4]

Наиболее значимая связь между материальным и процессуальным правом обнаруживается в трех вопросах. Первый - отличие первоначального обмана от последующего неисполнения договора. Второй - недопустимость признания обычной корпоративной иерархии преступной группой без дополнительных признаков. Третий - определенность налогового обвинения по норме, периоду и сроку исполнения обязанности. Эти требования влияют не только на будущий приговор, но и на фактическую основу ограничений свободы, применяемых до него. [5-7]

Документированная конституционная практика дополняет эту конструкцию. Решение по гражданской преюдиции сохраняет самостоятельность уголовного доказывания; решение о домашнем аресте охраняет неотъемлемые права при совокупном воздействии запретов; постановление июня 2026 года исключает просроченное продление и обход установленного предела через повторное помещение под стражу. Новая Конституция сохраняет значение ранее сформированных правовых позиций в пределах их совместимости с действующей конституционной рамкой. [1; 7-9]

Однако нормативная детализация не равнозначна полной эмпирической наблюдаемости. В доступных официальных сообщениях нет достаточного разреза по экономическим составам, отдельным лицам, основаниям исключений и продолжительности содержания. Поэтому статистическая часть доклада характеризует опубликованный общесистемный фон, а

судебные примеры - содержание конкретных правовых проблем. Ни одна из этих групп источников не заменяет репрезентативного массива индивидуальных решений.

Итог мониторинга состоит в установлении границ доказанного. Правовые гарантии и значимые случаи конституционного контроля подтверждены первичными материалами. Их универсальная результативность, распространенность обхода специальных ограничений и причинный эффект реформ количественно не установлены. Для отдельного экономического производства определяющими остаются фактическая квалификация, применимость исключения, актуальные риски, содержание альтернатив и непрерывность законного судебного основания. Именно на этом уровне различаются допустимое расследование финансового вреда и ограничение свободы, не отвечающее установленным правовым требованиям.

30. Источники

[1] Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года: статьи 5, 15-20, 94 и 96. Вступила в силу 1 июля 2026 года.

[Официальный текст Конституции](#)

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V: статьи 189, 190, 214-218-1, 231, 234, 238, 244, 245, 248 и 249; глава 8. Консолидированный текст.

[Текст Уголовного кодекса](#)

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V: статьи 56, 64-70, 107, 127, 131, 136-153, 161, 319 и 342. Консолидированный текст.

[Текст УПК](#)

[4] Верховный Суд Республики Казахстан. Нормативное постановление от 24 января 2020 года № 1 «О некоторых вопросах санкционирования мер пресечения», с изменениями от 29 ноября 2024 года.

[Постановление о мерах пресечения](#)

[5] Верховный Суд Республики Казахстан. Нормативное постановление от 24 января 2020 года № 3 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности», с изменениями, включая постановление от 18 декабря 2025 года № 7: пункты 3, 26-32 и 33-1.

[Постановление об экономических правонарушениях](#)

[6] Верховный Суд Республики Казахстан. Нормативное постановление от 29 июня 2017 года № 6 «О судебной практике по делам о мошенничестве»: в особенности пункт 10.

[Постановление о мошенничестве](#)

[7] Конституционный Суд Республики Казахстан. Нормативное постановление от 14 июля 2023 года № 23-НП о части второй статьи 127 УПК; обращение Зарирова Е. З.

[Полный текст постановления № 23-НП](#)

[8] Конституционный Суд Республики Казахстан. Нормативное постановление от 11 апреля 2023 года № 9 о положениях части второй статьи 146 УПК; обращение Молдагалиева К. Д.

[Полный текст постановления № 9](#)

[9] Конституционный Суд Республики Казахстан. Нормативное постановление от 10 июня 2026 года № 85-НП: сроки судебного содержания под стражей, статьи 136, 140, 153 и 342 УПК; обращения Калиева А. А. и Пархоменко А. Г. Полный текст, 10 страниц.

[Полный текст постановления № 85-НП — PDF](#)

[10] Официальный сайт Президента Республики Казахстан. «Глава государства принял Председателя Верховного Суда Асламбека Мергалиева», 29 января 2026 года. Сообщение об итогах судебной деятельности за 2025 год.

[Официальное сообщение об итогах 2025 года](#)

[11] Верховный Суд Республики Казахстан. «Верховный Суд подвел итоги отправления правосудия за первое полугодие 2026 года». Официальный канал, сообщение № 6872.

[Официальное сообщение об итогах первого полугодия 2026 года](#)

[12] Международный пакт о гражданских и политических правах: статьи 2, 9, 10, 11 и 14. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91 «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах» и текст Пакта.

[Закон о ратификации и текст Пакта](#)